

**ЧЕЛОВЕК В
РЕЛИГИЯХ
МИРА**

ОЛЬФАКТОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАСЛЕДИИ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

© 2016

Е.Е. Завьялова

**Завьялова
Елена
Евгеньевна** —
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы ФГБОУ
ВО «Астраханский государственный
университет». В журнале «Человек»
публикуется впервые. E-mail:
zavyalovaelena@mail.ru

Василий Кесарийский (Βασίλειος Καισαρείας, ок. 330–379 гг.), или Великий (Μέγας Βασίλειος), известен как отец Церкви, организовавший так называемый «каппадокийский» кружок. Он, его брат, Григорий Нисский, и друг, Григорий Богослов, — все уроженцы Каппадокии (совр. Турция) — разработали в понятиях греческой философии и утвердили на Вселенском соборе догмат о Троице.

Теоретическая деятельность Василия Великого во многом определялась практическими пастырскими интересами. Он оставил после себя богатое наследие. В ходе изучения его трудов нами было установлено, что святитель обращает пристальное внимание на реалии, связанные с запахами и ароматами. Указанная особенность отличает работы архиепископа Кесарии Каппадокийской от большинства других мыслителей того времени. Задачами исследования стали выявление, систематизация ольфакторных (от лат. *olfactorius* — обонятельный) элементов в наследии Василия Великого и определение их назначения.

Обладать запахом — обладать смыслом

Богослов часто упоминает запахи, когда затрагивает темы *непостижимой многоликости* Божественного творения и *совершенства мироздания*. В катехитических лекциях «Шестоднев» («*Nomiliae in hexaemeron*»), в беседе «О прозябениях земли», Василий Великий рассуждает о том, что вода, содержащаяся в растениях, «еще больше разности представляет... в запахах, нежели сколько имеет разнообразия в цветах» [6, с. 67]. И резюмирует: «Но вижу, что слово мое, от ненасытимого желания все обозреть, преступает меру, и если не наложу на него уз и не возведу к необходимому закону творения, то не достанет у меня дня на изображение пред вами великой мудрости, сокрытой в вещах самых маловажных» [там же]. В беседе «О животных земных» святитель пишет, что органы чувств у зверей «гораздо

острее нашего представления”, так, овца распознает своего ягненка среди тысячи, несмотря на то, что “один у всех голос, и цвет то же, и запах подобен, сколько представляется нашему обонянию” [там же, с. 119]. В “Опровержении на защитительную речь злочестивого Евномия” (“Против Евномия”, “Contra Eunomium”), оспаривая положения арианской системы, Василий Великий доказывает невыразимость и непознаваемость Божественной “сущности” (греч. οὐσία, лат. *essentia*). Несовершенство природы человеческого восприятия подтверждается перечислением немногих доступных смертному способов постижения окружающего: зрение, осязание, вкус, слух, обоняние [8, с. 31].

Благоухание определяется церковным писателем как неотъемлемая характеристика поднебесной: “Как за огнем само собою следует то, что он светит, и за миром — то, что оно благоухает, так и за добрыми делами необходимо следует полезное” [4, с. 306]. Василий Великий представляет масштабную теоцентрическую проекцию космического бытия. Человек у него мыслится как существо, вступающее в гносеологические отношения с миром (что, по замечанию В.Я. Саврея, свидетельствует об обращении мыслителя к досократической философии [15, с. 65]) и пытающееся осознать себя. Е. Фарино указывает на связь обоняния с ощущением полноты бытия: «“Обладать запахом” = “обладать смыслом”, оказывается, значит быть включенным в мир, быть включенным в связи с иными объектами мира, а в итоге — быть частью мира или “быть больше самого себя”» [19, с. 341]. Данный аспект одоропозетики особенно актуален для текстов, в которых прославляется Божье величие.

Искусственные ароматы

Применение *искусственно созданных ароматов*, по мнению Василия Великого, уместно в богослужении, а в быту нежелательно, хотя и свидетельствует о тоске человека по раю. Святитель не мыслит пути к Создателю вне аскетического образа жизни: “...украшим себя по образу Божию, бесстрастием [греч. ἀλάθεια, лат. *dispassion*] уподобившись Творцу” [9, с. 293].

В “Толковании на книгу пророка Исаии” (“*Enarratio in prophetam Isaiam*”) уточняется, что воскурение благовоний приятно Богу лишь в том случае, если оно производится безгрешным человеком: “Ибо, действительно, мерзостно думать, будто бы Бог, для услаждения Своего обоняния, установил известный состав фимиама, а не представлять, что кадило пред Господом есть освящение в теле, совершаемое при душевном целомудрии, когда все части души равносильно и безмятежно соблюдают взаимное одно к другой отношение” [10, с. 49]. Для того чтобы раскрыть символическую суть ритуала, автор приводит цитату из “Исхода” с “рецептом” особого благовония для богослужения — “Сказано: возьми себе ароматы, стакти, ониха и халвана благо-

вонна и ливана чистаго” [Исх. 30: 34] — и дает аллегорическую интерпретацию этого сочетания: “Четыре сии благовония имеют сходство с четырьмя стихиями, из которых слагаются тела, именно же: стакти — с водой, оних, по сухости, — с землей, халван, по теплоте, — с огнем, ливан же, по прозрачности, — с воздухом” [там же]. Библейская фраза “Все то в равну меру да будет” [Исх. 30: 34] трактуется как предостережение: “от несоразмерного растворения происходящие стремления к бесчинным похотям обуздывай и уравнивай” [там же]. А слова “И раздробиси от сих по тонку” [Исх. 30: 36] — как призыв к уничтожению в душе “плотской дебелости и вещественности” [там же].

Далее цитируется второе послание апостола Павла к коринфянам: “Христово благоухание есмы и еще: Богу же благодарение всегда победители нас творящему и воню разума Его являющу в нас” (в синодальном переводе: “Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих” [2 Кор. 2: 14–15]). Вывод безапелляционен: “фимиам телесный, входящий в отверстия ноздрей и возбуждающий ощущение, справедливо признан мерзостью для Бестелесного” [там же, с. 50]. Заметим: в первоисточнике есть только короткая фраза “Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня” [Ис. 1: 13], рассуждение о запахах не имеет прямого отношения к тексту книги “царя пророков”, что свидетельствует об особом внимании автора к обозначенной теме.

В “Толковании на книгу пророка Исаии” есть еще один объемный фрагмент, посвященный запахам. Автор разъясняет фразу о том, как Господь накажет дочерей Сиона, отняв “сосудцы с духами” [Ис. 3: 18] и сделав так, чтобы стало “вместо благовония зловоние” [Ис. 3: 23]. “Часть роскоши составляет и приятность запаха, когда напиткивают воздух некоторыми сожигаемыми составами и производят нечто приятное для своего вдыхания, — указывается в сочинении. — Итак, женщинам, утопающим в удовольствиях и производящим приятный запах для обоняния, Угрожающий воздаст вместо сего прахом” [там же, с. 167]. Ниже следует обширная подборка цитат из Библии, посвященная мотиву благоухания. Позволим себе привести отрывок целиком, поскольку он имеет прямое отношение к нашим разысканиям: «Душа красуется, правда, “миром и фимиамом” (ср.: Притч. 27: 9), но миром духовным, каковым был сказавший: “Христово благоухание есмы, и Богу благодарение воню разума Его являющу нами на всяцем месте” (ср.: 2 Кор. 2: 15, 14). Таковой вонюю, исходящей от Иакова, услаждался отец, Исаак: “се, воня сына моего, яко воня нивы Исполнены, юже благослови Господь” (Быт. 27: 27). И в Песни отроковицы, обвеваемые небесным благоуханием Слова, говорили: “в воню мира

твоего течем” (Песн. 1:3). И первосвятительское помазание было миром добрым и приятным, достойным того, чтобы уподобляться братскому общению (см.: Пс. 132: 1–2). Для такого мира нужен художник, пришедший от Бога мироварное искусство, чтобы сделать помазание святое, которое не вздыт на плоть человека (см.: Исх. 30: 32). Но когда приятность вони употребляется к возбуждению похотения, тогда пути чувства заграждаются “прахом”, по благодаянию устрояющего сие Господа. А может быть, поскольку в храме были сладости вони и миропомазания и “фимиам сложения” (ср.: Исх. 35: 15), но храм разрушен и теперь в прахе, ниспровергнут и сравнен с землей, то, вместо прежней вони сладости подзаконного служения, теперь он — прах ради душ, “ходивших высокою” и непокорной “выею”, которым сказано: “Се, оставляется вам дом ваш пуст” (Лк. 13: 35). Но и им, если захотят, можно отрясти прах, восполниться благоуханием Христовым, по совету говорящего: “Истряси прах твой и востани, Иерусалиме, и облещыся во славу мышцы твоея” (ср.: Ис. 52: 2; 51: 9)» [там же, с. 167–168].

Примечательно, что, например, Иоанн Златоуст в своем толковании той же части “Книги пророка Исаии” практически не обращается к одоропозетике и интерпретирует строки иначе: «“Зловонием” (“смрадь” в церковнославянском варианте) он называет здесь пыль, которая поднимается после разрушения города и набега неприятелей» [17, с. 427]. Ефрем Сирийский в “Толковании на священные писания”, А.И. Покровский в “Толковой Библии” и др. вообще не останавливаются на процитированных выше фразах.

По мнению значительной части исследователей, “Толкования на книгу пророка Исаии” не принадлежат Василию Великому, так как стиль и идеи указанной рукописи не свойственны этому богослову ([21], [25], [24], [22] и др.). Не останавливаясь подробно на обозначенной проблеме, мы констатируем, что мысль о греховности любви к ароматам в обыденной жизни — проявлению склонности к роскоши и излишествам, жадности наслаждений — в “Толкованиях на книгу пророка Исаии” выражена намного более категорично, чем в трудах, подлинность которых не ставилась под сомнение.

По словам протоиерея Г. Флоровского, Василий Великий “налагал на себя по тесноте времени осторожность” [20, с. 59]. В других сочинениях святителя содержатся те же интенции, но проявляются они иначе. В частности, в беседе “К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений” он замечает: “А растворять воздух различными испарениями, доставляющими удовольствие обонянию, намазать себя благовонными мазями, стыжусь и запрещаю вам” [4, с. 361]. Во “Второй беседе о человеке” (“Шестоднев”) ароматические вещества названы в числе других суррогатов, подменяющих “подлинные райские наслаждения”, “утешающие нас в нашем оттуда изгнании” [6, с. 163]. “Так больные, изнуренные тяжелым недугом, не мо-

гут участвовать в обычных наслаждениях и получают от врачей подкрепление в виде ароматических и других подобных средств; поскольку они лишились наслаждения более твердой пищей, то потворствующие их чувствам врачи выдумывают больным средства, соответствующие их слабостям” [там же], — подытоживает Василий Великий.

Духовный фимиам

Сравнения с ольфакторными ремами, метафоры с производным значением “аромат” помогают святителю *доказывать благую суть Христианства*. В пример можно привести выражения “духовный фимиам” псалма [5, с. 157], “благоуханные снеди духовного учения” [там же, с. 196], “благоухание внутренне мудрого домостроительства” [9, с. 257]. В данном случае ощутимо влияние библейской традиции: в Ветхом и Новом Завете лексема “благоухание” (греч. ὀσμή, лат. suavitatem (odore)) употреблена около 60 раз, в том числе и иносказательно.

В “Беседе на псалом сорок четвертый” Василий Великий разъясняет строки “Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости, паче причастник Твоих. Смирна и стакти и кассиа от риз Твоих...” [Пс. 44: 7–8] (в синодальном переводе: “Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия...”). На упоминание каждого из священных ароматов богослов дает комментарий. Запах смирны (бальзама, которым умащивали тело покойника) он связывает со страданиями Христа; стакти (текущей из дерева “по собственной воле”) — с трехдневной смертью Иисуса, его нисхождением в ад; касии (коры, по всей вероятности) — с распятием на деревянном кресте. “Посему видишь смирну по причине погребения, стакти — по причине сошествия во ад (ибо каждая ее капля стремится вниз) и касию по причине домостроительства, совершенного плотью на кресте” [5, с. 281–282], — заключает святитель. Это толкование, по сравнению с прочими вариантами, включает большее количество подробностей. Афанасий Великий, например, лишь поясняет названия благовоний: “Стакти есть самый тонкий вид смирны. Ибо, если истереть это благовонное вещество, то вся влага из него отделяется в стакти, а остающаяся густота называется смирною. Касия же есть самая тонкая и благовонная кора, облекающая собою древесные отпрыски” [16, с. 147].

Смрадные запахи

Неприятные запахи упоминаются Василием Великим тогда, когда нужно передать *мерзостность греховных поступков и мыслей*. Несколько раз богослов прибегает к метафоре “человек —

Е.Е. Завьялова
Ольфакторные
элементы
в наследии
Василия Великого

Василий Великий

сосуд” (греч. *ακόφοζ*, лат. *vas*), часто встречающейся в религиозных текстах. “...В сосуд, который был занят какою-нибудь зловонною жидкостью, не вымыв, не наливают мира” [5, с. 332], пишет он, рассуждая о людях, которые не могут стать способными “к приятию Божественной благодати, не изгнав из себя порочных страстей” [там же, с. 331]. Сосудом, издаваемым зловоние из-за произошедшей в нем порчи, мыслитель называет того, “кто в себе... вместил всю силу дьявола” [4, с. 152].

Про завистливых людей Василий Великий отзывается следующим образом: они “не смотрят на светлость жизни, на величие заслуг, нападают же на одно гнилое”, совсем как “коршуны, пролетая мимо многих лугов, многих мест приятных и благоухающих, стремятся к чему-либо зловонному, и как мухи, минуя здоровое, поспешают на гной” [там же, с. 187]. Слова еретиков святитель называет “смердными” (греч. *αλαίσιος*, лат. *foeda*) [5, с. 274], а грех — “смердящим” [там же, с. 252]. Перечисленные коннотации легко объяснить тем фактом, что запах часто является результатом самых интенсивных сторон плотской жизни человека и имеет в этом смысле оргиастический характер.

Одорика и риторическая аргументация

Отец Василия Великого преподавал ораторское искусство [15, с. 51], сам он серьезно изучал теорию красноречия в Афинской академии (тогда практически все главные идеологи православного учения, прежде чем начать гомилетические действия, проходили обучение у языческих риторов [13, с. 79]). Слова богослова “дышали силою огня” [20, с. 57]; известно, в частности, что после его проповедей люди бесплатно раздавали голодающим прибереженные запасы [2, с. 271]. Мера воздействия оратора на слушателей во многом определяется эмоциональностью, яркостью речи; далеко не последнюю роль играет его способность передать картину жизни, событие “во всем комплексе ощущений” [14, с. 178].

Приверженцы современного направления постэриксонской психотерапии утверждают, что мозг обрабатывает речь в трех различных плоскостях: визуальной, аудиальной, кинестетической (последняя включает в себя вкус, осязание, обоняние), и каналы восприятия информации можно “настроить” с помощью языка. Один из ведущих специалистов по коммуникативной технике К. Бредемайер (теолог по образованию) пишет: “Ключ к успеху — в удачной вербальной трансформации ощущений, воспринимаемых нами через органы чувств. Описывая эти чувства, мы пробуждаем соответствующие сегменты памяти реципиента. Плоскости, о которых идет речь, иногда сливаются друг с другом, но и в этом случае мы тоже можем вести собеседника к нужной нам цели и повышать его способность к восприятию и запоминанию важной для нас информации” [3, с. 128]. В своих проповедях архиепископ Кесарии Каппадокийской апеллировал к разуму, сознанию и чувствам аудитории. В VI веке не существовало ольфакции — науки о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации. Но фактически многие *ольфакторные постулаты* реализованы в трудах мыслителя.

Приведем пример. Неоднократно Василий Великий затрагивает проблему пьянства. И чтобы внушить слушателям (читателям) отвращение к этому пагубному пристрастию, он подробно перечисляет последствия неумеренного потребления спиртного: “...Если выйдешь из пределов, то будешь завтра ходить с больною головою, страдая зевотою и головокружением, издавая из себя запах перегнившего вина; тебе будет казаться, что все ходит кругом, что все колеблется” [4, с. 16]. Неприятные вестибулярные, соматосенсорные ощущения, упоминаемые богословом, доставляют дискомфорт самому человеку. В отличие от одорических — которые в большей мере испытывают окружающие (не “чувствовать” запах, а “издавать из себя”, т.е. распространять). В беседе “На упивающихся” Василий Великий снова возвращается к данной теме, выстраивая сложный метафорический образ: “...весь ты растворен вином, и перегнил с ним от ежеднев-

ного опьянения, издавая от себя запах вина, притом перегорелого, подобно сосуду, ни на что уже негодному” [там же, с. 25]. По словам святителя, запах перегара свидетельствует о физическом “гниении” бражника и о разложении его души. И если человек — сосуд, то пьяница — это сосуд, разящий смрадом, который не может приносить пользу. Во второй беседе о посте вновь говорится о запахе вина, “и притом перегнившего” [там же, с. 22]. По мнению богослова, перегар — важнейшее подтверждение несвободы: “Пьянство оспаривает тебя как своего невольника и по праву не отступится от тебя, представляя ясные доказательства твоего рабства, именно, запах вина, оставшийся в тебе, как в бочке” [там же, с. 23]. Обонятельные ассоциации устойчивее, чем, скажем, слуховые. Отрицательная ольфакторная эмоция запоминается лучше, чем положительная, и воспоминание о ней может вызвать физиологическую реакцию [11, с. 72]. Поэтому одорические детали помогают святителю достичь особой убедительности речи.

Один из самых образованных людей своей эпохи, Василий Великий интересуется многими науками, в том числе и физиологией. Человек — со всеми своими “внешними” и “внутренними” проявлениями — делается предметом пристального внимания святителя: “...рассматривая все с надлежащим рассуждением и изучая втягивание воздуха легкими, сохранение теплоты в сердце, орудия пищеварения, проводники крови, во всем этом усмотришь неисследимую премудрость своего Творца” [6, с. 403]. Соответственно, феномен восприятия запахов увлекает богослова еще и с научной точки зрения.

В наследии мыслителя встречаются выражения, демонстрирующие его нацеленность на это чувство. Ср.: “Пост не знает, что значит взятое взаем: от трапезы постящегося не пахнет ростом [ростовщицеством]” [4, с. 10] (“Беседа о посте 1-я”). Или: “...Сколь славное Солнце является в грязи, но остается незапятнанным, светит оскверненным, но не испытывает зловония” [7, с. 116] (“Томилия на Святое Рождество Христово”). “Запах ростовщицества”, “запах солнца” — эти метафорические новообразования смелы даже в контексте современной культуры¹.

Дух Истины

Рискнем предположить, что важнейшим фактором, определившим склонность Василия Великого к искомой теме, является характер его религиозных воззрений. По словам Григория Богослова, в то время “одни почитали Духа энергией, другие — тварью, иные — Богом, и еще иные не решались сказать ни того, ни другого. И даже из признававших Его Богом многие благочестивы только в сердце...” [20, с. 63]. Архиепископ Кесарии Каппадокийской вместо традиционного тогда славословия “Слава Отцу, через Сына, в Духе Святом” впервые в богослужебной практике ввел новое: “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу”

¹ В 1899 г. русский символист К.Д. Бальмонт напишет стихотворение, начинающееся строками: “Запах Солнца? Что за вздор! / Нет, не вздор” [1, с. 70].

[12, с. 142], тем самым подчеркивая онтологическую реальность трех Ипостасей Пресвятой Троицы и совершенное тождество Их свойств. К важнейшим пневматологическим сочинениям Христианской древности относят трактаты “Против Евномия” (“*Contra Eunomium*”) и “О Святом Духе” (“*De Spiritu Sancto*”). “К Духу Святому обращено все имеющее нужду в освящении, — пишет богослов, — Его желает все живущее добродетельно, вдохновением Его как бы орошаемое и вспомошествоваемое к достижению свойственного себе и естественного конца” [8, с. 216] (в теме приобщения к Богу посредством восприятия изливаемой Святым Духом энергии усматривают влияние Плотина [2, с. 275]).

По древнейшим представлениям, дух, душа являют собой субстанцию, подобную воздуху, легкому пару или слабому дыму. Эта мифологема нашла отражение в лексике. В греческом языке слово “*θυμός*” обозначает ‘дыхание’, ‘дух’, ‘душу’, ‘жизнь’; родственное “*θυμίαμα*” переводится как ‘благовоние’, ‘фимиам’. Слова с корнем “-*πνεύ-*” объединяют значения ‘дуть’, ‘пахнуть’, ‘дышать’, ‘жить’. *Ἅγιο Πνεύμα* — Святой Дух. В латинском лексема “*spiritus*” объединяет значения ‘дуновение’, ‘дыхание’, ‘вдыхание’, ‘жизнь’, ‘душа’. *Spiritus Sanctus* — Святой Дух. “*Anima*” переводится как ‘воздух’, ‘дуновение’, ‘дыхание’, ‘жизнь’, ‘душа’. Русское слово “дух” входит в гнездо однокорневых слов, к которому относятся ‘душа’, ‘воздух’, ‘вздых’, ‘дышать’. Исходный корень имеет индо-европейское происхождение: “-*dheu-*”, “-*dhou-*”, “-*dhu-*” [18, с. 18]. Связь понятий “дух” — “душа” — “дыхание” выявляется в ветхозаветной фразе “И созда Богъ человекъ, персть [вземъ] от земли, и вдуноу въ лице его дыхание жизни: и бысть человекъ въ душу живую” [Быт 2: 7] (в синодальном переводе: “И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою”).

Василий Великий выступает против вульгаризации понятия “Дух”. Он подчеркивает: “под духом [разумеется] не дыхание, разливающееся в воздухе” [5, с. 231], “Дух — не пар уст, исторгаемый дыхательными членами...” [8, с. 234]. При этом вводимое святителем определение содержит сакраментальную метафорическую составляющую: «Дух уст Божиих — “Дух Истины, Иже от Отца исходит” (Ин. 15: 25)». Вторая часть фразы, на что указывает ссылка самого богослова, цитата из “Евангелия от Иоанна”. Источник, из которого взяты три первые слова, не обозначен; аналоги сочетания встречаются в Библии (ср.: “Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их” [Пс. 32: 6], “...и [Господь] духом уст Своих убьет нечестивого” [Ис. 11: 4], “И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих” [2 Фес. 2: 8]). Развернутый вариант того же определения находим у Василия Великого в “Беседах на псалмы”: “...Дух, Который от Бога, Который от Отца исходит (то есть из уст Его, чтобы ты не признавал Его чем-либо

внешним или тварным, но славил как имеющего ипостась Свою от Бога), сопривнес от Себя все силы, какие в Нем” [5, с. 232]. Вновь отвергается зримая природа Святого Духа, но его нематериальность раскрывается с опорой на устоявшиеся представления о передаваемой движением воздуха субстанции. Склонность святителя раскрывать сущность нетварного бытия по аналогии с тварным отмечает Р. Хюбнер, связывая ее со стоической моделью усиологии [23, с. 478].

* * *

Итак, ольфакторные элементы в творениях Василия Великого помогают транслировать самые разнообразные смыслы; разветвленность одорической системы позволяет передать богатое символическое содержание. Традиционные сочетания одорических эпитетов с определяемыми словами-понятиями соседствуют с оригинальными авторскими вариантами. Религиозная оппозиция греха и святости, перенесенная в ольфакторную сферу, базируется на представлениях о благоуханной беспорочности и смердящей нечестивости.

Распространенность одорических характеристик в наследии Василия Великого объясняется несколькими причинами. Его ораторский талант позволяет умело прибегать к вербальной трансформации ощущений, воздействуя тем самым на память, эмоции, подсознание слушателей. В концептуальном плане особое внимание святителя к ольфакторной сфере обосновано установкой на познание человеческой сущности и окружающего мира, а также заинтересованностью в триадологической проблеме, убежденностью в “горизонтальном” способе общности Лиц Троицы. Следствием сосредоточенности богослова на вопросе о способе исхождения (τρόλος ὑλάλξεως) Святого Духа становится частое обращение к мотивам воздуха, дыхания и запаха.

Литература

1. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения / Вст. ст. и сост. Л. Озерова. М.: Художественная литература, 1990.
2. *Бирюков Д.С.* Святой Василий Кесарийский // Антология восточно-Христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия: В 2 т. / Под ред. Г.И. Беневича и Д.С. Бирюкова; сост. Г.И. Беневич. Т. 1. М., СПб.: “Никея”–РХГА, 2009. С. 269–290.
3. *Бредемайер К.* Черная риторика: власть и магия слова / Пер. с нем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
4. *Василий Великий.* Беседы // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 4. М.: Тип. Августа Семена, 1846. С. 1–403.
5. *Василий Великий.* Беседы на Псалмы // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1900. С. 155–345.

6. *Василий Великий*. Беседы на Шестоднев // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1. М.: Тип. Августа Семена, 1845. С. 1–174.
7. *Василий Великий*. Гомилия на Святое Рождество Христово / Пер. и коммент. А.Р. Фокина // Богословский сборник. 2000. № 5. С. 104–117.
8. *Василий Великий*. Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия. О Святом Духе, к св. Амфилохию, епископу Иконийскому // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 3. М.: Тип. Августа Семена, 1846. С. 3–358.
9. *Василий Великий*. Слово о подвижничестве // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 6. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1901. С. 155–345.
10. *Василий Великий*. Толкование на пророка Исаию // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 2. М.: Тип. Августа Семена, 1845. С. 3–446.
11. *Заворохина Н.В.* Использование специфики механизма обоняния человека и ольфакторных тенденций в качестве инструмента сенсорного маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 66–73.
12. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. II. М.: Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, 2004.
13. *Рождественский Ю.В.* Принципы современной риторики. М.: СВР-Аргус, 2000.
14. *Савкова З.В.* Искусство оратора. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2007.
15. *Саврей В.Я.* Каппадокийская школа в Истории Христианской мысли. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012.
16. *Святитель Афанасий Великий*. Творения: В 4 т. Т. IV. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994.
17. *Святитель Иоанн Златоуст*. Священное Писание в толкованиях: В 10 т. Т. III. Толкование на книгу пророка Даниила. Толкование на книгу пророка Исаии. М.: Ковчег, 2006.
18. *Тимофеев К.А.* Религиозная лексика русского языка как выражение Христианского мировоззрения. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001.
19. *Фарино Е.* Введение в литературоведение. М.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.
20. *Флоровский Г.В.*, протоиерей. Восточные отцы IV-го века. Paris: YAMSA-PRESS, 1990.
21. *Garnier J., Maran P., Faverolles F.* Caesareae Cappadociae archiepiscopi, opera omnia quae exstant. Paris, 1721. Vol. 29. P. CCXVI–CCXX.
22. *Geerard M.* Clavis Patrum Graecorum. Turnhout. 1974. Vol. 2. P. 140–178.
23. *Hübner R.M.* Gregor von Nyssa als Verfasser der sog. Ep. 38 des Basilii // Epektasis. Mélanges patristiques offerts au cardinal Jean Daniélou / Eds. J. Fontaine, Ch. Kannengiesser. Paris, 1972. P. 463–490.
24. *Quasten J.* Patrology. Utrecht, 1950. Vol. 3. P. 424–482.
25. *Rudberg S.Y.* Basile de Césarée. La tradition manuscrite directe des neuf homélies sur l’Hexaéméron. Berlin: Untersuchungen, 1980.